

1 ИЮН 1969

СОВЕТСКАЯ КЛАЙПЕДА

г. Клайпеда

ЧТО ТАКОЕ „ПЕРМИСИВНЕСС“

«Нынешний театральный сезон на Бродвее отмечен наплывом порнографических спектаклей, превративших чудо театра в зрелище, унижительное для человека», — пишет парижская «Фигаро».

—О—О—

Я возвратилась из Нью-Йорка, где ничего, пожалуй, меня так не удивило, как репертуар театров на Бродвее: во всех новых постановках актеры выходят на сцену нагишом.

— Да-да, это так, — говорили мне мои американские друзья, — и это результат «пермисивнесс» — «вседозволенности».

Как понять это модное слово «пермисивнесс»? Терпимость, попустительство, распущенность имеют определенно — узкое значение; «пермисивнесс» кричит всем и каждому, что все дозволено во имя «философии» (эротизм — лишь одно из ее проявлений), которая вначале побудила некоторых юнцов украшать себя цветами, отращивать шевелюру и бороды, а затем и показывать людям свои ягодички.

Обращение к этой части тела всегда звучало как вызов, но еще в прошлом году он носил в большинстве случаев вербальный характер. Сегодня, следуя некоей туманной логике, американский «авангардистский» театр показывает на всех подмостках Манхэттена спины, и не только спины...

Все актеры, участвующие в пьесе «Волосы», — примерно тридцать человек — являются зрителям без малейших признаков одежды. Переворот! Даже тех, кто проводит лето на пляжах

Лазурного берега, это зрелище приводит в изумление. С еще большей оторопью следишь за женщиной, которая в течение 45 минут передвигается нагишом по ярко освещенной сцене (пьеса «Создкий эрос»). Никакой цензуры. Полиция молчит. Авторы не вызывают в суд. Это — высшее проявление «пермисивнесс».

И все в восторге: авторы, думающие, что они революционизируют мир искусства; критики, получившие наконец возможность сказать что-то; публика, которая считает, что приобщилась к «передовым веяниям»; власти, которые кичатся своим либерализмом, и общество, которое молча сносит эту оскорбительную возню...

Между тем главным все же остается целомудрие, доброе старое целомудрие. Моника Эванс, молодая, красивая актриса, отказалась играть в новой комедии Джерома Уэйдмана «Материнская любовь» и от контракта, сулившего ей 800 долларов в неделю, так как автор, не будучи в силах преодолеть «введение времени», предложил ей выйти на сцену в чем мать родила в конце второго акта.

Многие актрисы, участвующие в постановке «Волосы», пережили нервные потрясения и вынуждены покинуть театр. Актеры-мужчины, которых не мучают проблемы морального порядка, страдают насморком и бронхитами. «В любом случае мне не доставляет никакого удовольствия появляться на сцене голым, — говорит актер Дан Хеллек. — Пусть авторы играют свои пьесы сами!».

Не кажутся ли вам, что «вседозволенность», как и бесстыдство, претит человеческой натуре?

В. ПАРТЮРБЕ.